

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-276-311
УДК 821.161.1

**Ринальдо Кюфферле (1903–1955) —
переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина
(на материале личных и издательских архивов)**

© 2019, Э. Гаретто

Аннотация: В статье рассматривается роль поэта, прозаика, журналиста и переводчика Ринальдо Кюфферле (1903–1955) в распространении творчества И.А. Бунина в Италии в 1920-е и 1930-е гг. Выявлены и проанализированы критические статьи Кюфферле о Бунине в итальянских литературных журналах, его переводы бунинских стихов и рассказов, разные этапы продвижения творчества писателя в миланских издательствах (издание романа «Жизнь Арсеньева» и сборника рассказов). В статье приводится также ряд архивных материалов, касающихся личных отношений Кюфферле с Буниным.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Ринальдо Кюфферле, Бунин в Италии, переводы, эмиграция в Италии

Информация об авторе: Эльда Гаретто, профессор, Миланский государственный университет, Италия.

E-mail: elda.garetto@unimi.it

Цитирование: *Гаретто Э.* Ринальдо Кюфферле (1903–1955) — переводчик, издатель, критик и корреспондент И.А. Бунина (на материале личных и издательских архивов) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 276–311.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-276-311

Творчество писателей парижской диаспоры и, в частности, И.А. Бунина имело бы, наверное, очень ограниченное распространение в Италии 1920-х и 1930-х гг., если бы не вклад переводчика Ринальдо Кюфферле. Родившийся в 1903 г. в Петербурге в семье известного скульптора итальянско-немецкого происхождения¹, Кюфферле бежал из России с родителями за несколько дней до октябрьского переворота. Приехав в Италию,

¹ Пьетро Кюфферле (1871–1942) — известный в российской столице скульптор родом из Вероны.

завершил образование в лицее и на филологическом факультете Миланского университета с выдающимися преподавателями — в первую очередь Дж. А. Борджезе — и погрузился в изучение итальянской культуры, при этом постоянно уделяя внимание литературе своей первой родины и сохраняя особое пристрастие к поэзии. В 1927 г., будучи еще студентом, Кюфферле начал свою переводческую деятельность (драматические произведения Пушкина и Тургенева, оперные либретто для театра Ла Скала)², параллельно печатал заметки, статьи и рецензии о русской литературе в миланских литературных журналах и других периодических изданиях.

Благодаря контактам с крупными миланскими издательствами, как «Мондадори», и прежде всего проекту серии «Русская библиотека» при издательстве «Бьетти», в течение 1930-х гг. Кюфферле удалось опубликовать либо в собственном переводе, либо под своей редакцией многие произведения писателей русской диаспоры, от Марка Алданова до Бориса Зайцева, от Ивана Бунина до Ивана Шмелева, от Тэффи до Василия Яновского.

Мы располагаем многочисленными и разнообразными материалами, свидетельствующими о глубоком интересе Кюфферле к творчеству Бунина — прозаика и поэта. Первое проявление интереса относится к самому началу 1927 г., когда молодой Кюфферле, еще не окончивший университет, но уже входящий в миланские литературные круги, начинает вести в литературном журнале “Novella”³ рубрику о литературных новостях русского Парижа и других центров диаспоры (советская литература слабо привлекает беженца Кюфферле, для него подлинная современная русская литература — исключительно эмигрантская). Рубрика под любопытным заголовком “*Corriera della Russia*” (как бы звуковое отражение «Русского Курьера»), хотя и занимает всего одну-две страницы, свидетельствует о том, что Кюфферле был довольно хорошо осведомлен о литературных новостях диаспоры, и в первую очередь о новых изданиях Бунина, Алданова, Зайцева, Шмелева и др. В течение 1927 г. рубрика посвящает Бунину две рецензии о только что опубликованных сборниках «Солнечный удар»⁴ и «Последнее свидание»⁵ и заметку о рассказе «Ермил»⁶. В них Бунин представлен как один из

² *Pushkin A. Teatro / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Unitas, 1928; Turgheniev I. Scene e commedie / Traduzione di Rinaldo Küfferle. Torino: Slavia, 1927.* Среди первых переводов либретто русских опер — «Хованщина» и «Садко».

³ “Novella” — ежемесячный литературный журнал миланского издательства Mondadori (1919–1944).

⁴ Рецензия без заглавия на сборник: *Бунин И.А. Солнечный удар.* Париж: Родник, 1927 (Novella. 1927. № 1. P. 58).

⁵ Рецензия без заглавия на сборник: *Бунин И.А. Последнее свидание.* Париж: Т-во «Н.П. Карбасникова», 1927 (Novella. 1927. № 4. P. 275).

⁶ Novella. 1927. № 3. P. 168; рассказ опубликован в рождественском номере «Возрождения» 7 января 1927 г. См. переводы указанных статей в приложении.

главных современных русских писателей; Кюфферле хвалит его стиль и неиссякаемое разнообразие тем и образов, дает информацию об истории произведений, о составе сборников, предлагает вниманию читателя самые интересные произведения, как, например, «Дело корнета Елагина», подчеркивает мастерство рассказов «Ида» и «Цикады», в которых, по его словам, «Бунин превзошел в музыкальности фразы даже Тургенева», хвалит стиль рассказа «Воды многие», который «красотой и наблюдательностью не уступает известной книге путешествий Гончарова»⁷.

В поддержку собственной оценки Кюфферле ссылается на отзывы Александра Амфитеатрова, с которым состоит в дружеской переписке⁸. И в самом деле, информация и самые первые заметки для рубрики “*Contiera della Russia*”, в том числе и о Бунине, подсказаны Кюфферле именно Амфитеатовым, который регулярно отправляет ему новости из разных центров диаспоры. Например, в письме от 10 декабря 1926 г. Амфитеатров пишет:

Глава современной русской литературы Иван Алексеевич Бунин только что выпустил в свет новый сборник рассказов, в к<ото>рый вошли «Солнечный удар» (по этому первому рассказу называется и книжка), «Ида», «Дело корнета Елагина», «Цикады» и другие, более мелкие вещи, печатавшиеся в журналах 1925—1926 гг. Каждое из названных произведений при появлении своем делало большой шум. В особенности «Дело корнета Елагина», в к<ото>ром Бунин гениально анализировал давний процесс гвардейского офицера Бартенева, убившего знаменитую польскую комедийную артистку Висновскую. С точки зрения чисто художественной наиболее замечательны рассказы «Ида» и «Цикады». «Ида» — высшее достижение школы мопассано-чеховского рассказа, я считаю ее лучшим рассказом в русской литературе, по психологически тонкой правдивости, изяществу, глубине в будничном, силе в ничтожном. «Цикады» замечательны многими интересными поэтическими мыслями автора (это — большое рассуждение о жизни и смерти, под пение цикад) и исключительной красотой языка. Бунин в них пошел музыкальностью фразы даже дальше Тургенева, к<ото>рого он, из всех русских писателей, наиболее выразительный ученик. Великолепны в том же сборнике «Воды многие» — описание путешествия по Красному морю и Индийск<ому> океану. По красоте

⁷ Novella. 1927. № 1. P. 58.

⁸ Двусторонняя переписка Амфитеатрова и Кюфферле охватывает период с 1926 г. до смерти Амфитеатрова в 1938 г.; самый интенсивный период — до начала 1930-х гг. Письма Кюфферле хранятся в архиве Амфитеатрова (Amfiteatrov Mss., Lilly Library, Indiana University, Bloomington, IN), письма Амфитеатрова — в архиве Кюфферле (Fondazione Arnaldo e Alberto Mondadori, Milano, далее — FAAM).

и наблюдательности не слабее, а часто и сильнее «Фрегата “Паллады”» Гончарова⁹.

Кюфферле переводит и перерабатывает эту информацию для итальянской публики и одновременно, благодаря посредничеству того же Амфитеатрова, вступает в личную переписку с отдельными писателями, и в первую очередь с Буниным. О желании Кюфферле перевести произведения Бунина на итальянский язык, с шутливым предостережением об амбициях молодого литератора, пишет автору сам Амфитеатров:

Синьор Ринальдо Кюфферле (Rinaldo Küfferle) желает весьма переводить на итальянский язык Ваши произведения и писать о Вас статью. Так как с присылком «Солнечного удара» у меня «Цикады» и «Дело корнета Елагина» оказываются в двойном количестве, а из «Возр<ождения>» я вырежу «Notre Dame de la Garde» и «Обузу», — то пошлю ему покуда их, как материал для статьи. Он Вам будет писать. Мальчик старательный и очень деловой. Но не балуйте его очень в ответ. Уже с павлином в голове. Большие связи¹⁰.

Переписка завязывается, по всей вероятности, в начале 1927 г., от нее сохранились лишь 8 писем Кюфферле за 1927–1936 гг.¹¹; дополнительные детали можно узнать из переписки Амфитеатрова с Буниным.

10 марта 1927 г. Амфитеатров пишет Бунину: «Посылаю Вам итальянский литературный журнал “Novella”, весьма распространенный, с заметкою Ринальдо Кюфферле о “Солнечном ударе”»¹². 25 апреля напоминает: «Кюфферле стелает, что Вы ему не отвечаете. Ответьте. Он очень старается во славу русской литературы вообще, в Вашу в частности. В “Novella” ежемесячно появляется взгляд и нечто»¹³. И в дальнейшем Амфитеатров регулярно уведомляет Бунина о новых статьях Кюфферле о нем.

В начале июня 1927 г. Кюфферле сообщает Амфитеатрову, что Бунин прислал ему любезное письмо и несколько книг¹⁴. И 11 июня отвечает Бунину:

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Простите, что так долго не отвечал на Ваше любезное письмо. Имел много срочной работы, которая не давала мне возможности оторваться ни на минуту от дела. Сердечно благодарю Вас за портреты,

⁹ Архив Ринальдо Кюфферле, Фонд Мондадори (FAAM).

¹⁰ Письмо от 27 декабря 1926 г. (РАЛ. MS 1066/1562).

¹¹ РАЛ. MS 1066/3403–3410.

¹² РАЛ. MS 1066/1567.

¹³ РАЛ. MS 1066/1568.

¹⁴ Indiana University, Lilly Library, Amfiteatrov Mss, folder R. Küfferle.

за книги¹⁵. В июле прочту всё и буду о Вас писать. Помещу статью в “Novella”. Буду о Вас писать и в литературном миланском еженедельнике “La Fiera Letteraria” и в одной туринской газете. Для “Novella” я мог бы перевести один Ваш коротенький рассказ. Пишу я Вам, как видите, по-русски, но плохо. Со дня моего бегства из России мне почти ни разу не пришлось писать по-русски, так что я поневоле разучился. Поэтому прошу Вас не обращать внимания на слог этого письма. От души желаю Вам и супруге Вашей доброго здоровья. Я тоже был в прошлом году серьезно болен. Крепко жму Вашу руку. Посылаю Вам и я свою фотографию с самым искренним приветом¹⁶.

Rinaldo Küfferle¹⁷.

Несмотря на объявленные в письме планы, после этой даты в журнале “Novella” не появились ни переводы¹⁸, ни статьи Кюфферле о Бунине, если не считать заметки в № 9, касающейся «Обращения русских писателей к писателям мира», и откликов на него со стороны Бунина и других эмигрантских писателей¹⁹. В заметке после краткого введения, в котором подчеркивалась поддержка несчастных соратников в советской России со стороны эмигрантских писателей, Кюфферле приводил точный перевод последнего абзаца отклика Бунина «К писателям мира» из газеты «Возрождение»: «Мы, писатели изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир, обезумевший и окаменевший в своих материальных расчетах. Слышали ли вы нас, “писатели мира”? У меня горит лицо от стыда за себя, за свою новую, может быть, напрасную попытку, — и все-таки я снова и снова говорю: — Отзовитесь!»²⁰

¹⁵ В архиве Кюфферле (ФААМ) хранятся два фотопортрета Бунина разных лет с дарственными надписями; книги отсутствуют.

¹⁶ Портрет Кюфферле с дарственной надписью “Allo Scrittore Iv. Bunnin con la più viva ammirazione. R. Küfferle. 1927” («Писателю Ив. Бунину с глубочайшим восхищением. Р. Кюфферле. 1927») хранится в архиве Бунина: РАЛ MS 1066-7237.

¹⁷ Автограф: РАЛ MS 1066/3403.

¹⁸ В № 10 журнала “Novella” за 1927 г. опубликован рассказ Бунина «Числа» в переводе Эрме Кадей (*Bunin Ivan. Le cifre / Traduzione di E. Cadei // Novella. 1927. № 10. P. 607–612.*)

¹⁹ Novella. 1927. № 9. P. 610. «Обращение русских писателей к писателям мира», опубликованное в газете «Последние новости» (1927. № 2300, 10 янв.), многократно перепечатывалось в эмигрантской прессе. На него откликнулись разные писатели, в том числе и Бунин. 20 июля 1927 в газете “Corriere della Sera” (С. 5) появилась заметка без подписи под названием “Un disperato appello di russi agli scrittori di tutto il mondo” («Отчаянное воззвание из России писателям всего мира») о том, что «воззвание это передает литератор и академик И. Бунин». Не исключено, что заметка была подсказана или составлена Кюфферле. 31 июля 1927 г. воззвание было также напечатано в журнале “Fiera Letteraria” с сопроводительным письмом А. Амфитеатрова (*Lettera degli scrittori russi agli scrittori di tutto il mondo // Fiera Letteraria. 1927. 31 VII. P. 6.*)

²⁰ Бунин Ив. К писателям мира // Возрождение. 1927. № 768, 10 июля. С. 2; см. также: Последние новости. 1927. № 2306, 10 июля. С. 2.

Причиной прекращения сотрудничества Кюфферле в журнале “Novella” стали существенные изменения в формате и содержании журнала в связи с переходом от Мондадори к издательству Риццоли. Из переписки с Амфитеатровым мы узнаем о решении Кюфферле больше там не печататься²¹ и о предложении публициста Ромоло Каджезе (Romolo Caggese), главного редактора журнала “Rivista d’Italia”²², вести новую рубрику о русской литературе²³. В апрельском номере Кюфферле печатает эссе на пяти страницах под названием “L’arte d’Ivan Bunin” («Искусство Ивана Бунина»)²⁴, но

в конце 1928 г. журнал закрывается. С начала 1929 г. Кюфферле заключает договор с газетой “Corriere della Sera”, с которой будет сотрудничать более или менее регулярно до начала войны. В новом периодическом издании он пытается возобновить рубрику об эмигрантских писателях под заглавием “Scrittori russi all’estero” («Русские писатели за границей»). В первой статье из этой серии, посвященной “друзьям Италии” Амфитеатрову и Зайцеву, Бунин упоминается кратко, но его роль ясно подчеркивается: «эмигрантские писатели никогда не прекращали писать, следуя призыву Бунина, корифея современной русской литературы»²⁵. Далее Кюфферле приводит перевод стихотворения «Слово»: “Tacciono le tombe, le mummie e le ossa...” («Молчат гробницы, мумии и кости...»)²⁶. Эпитет «корифей» по отношению к Бунину повторяется в статье на две колонки, полностью посвященной Бунину, под заглавием

²¹ Письмо Кюфферле Амфитеатрову от 12 сентября 1927 г. (Amfiteatrov Mss. Lilly Library, folder R. Küfferle).

²² “Rivista d’Italia” — ежемесячный журнал, выпускавшийся издательством “Unitas”. В 1898–1928 гг. издавался в Риме, с 1928 г. — в Милане. В 1928 г. Кюфферле вел рубрику “Rassegna di Letteratura Russa” («Обзор русской литературы»).

²³ Письмо Кюфферле Амфитеатрову от 16 ноября 1927 г. (Amfiteatrov Mss. Lilly Library, folder R. Küfferle).

²⁴ Rivista d’Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667 (см. перевод в приложении). Также Кюфферле печатал в журнале обзоры и статьи о других эмигрантских писателях (Алданов, Амфитеатров, Шмелев).

²⁵ Küfferle R. Due amici dell’Italia. Scrittori russi all’estero <Два друга Италии. Русские писатели за рубежом> // Corriere della sera. 1929. 29.VIII. P. 3.

²⁶ Там же.

“Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin” («Русские писатели за рубежом. Корифей Бунин»)»²⁷.

Статьи 1928 и 1929 гг. свидетельствуют о глубоком проникновении в творчество писателя со стороны молодого критика, который следит за многочисленными рецензиями в русской зарубежной периодике.

Какова специфика этих статей? Во-первых, надо учесть, что в Италии это почти единственные статьи о Бунине за до-нобелевские годы, и в них Кюфферле старается открыть итальянскому читателю богатый и разнообразный мир бунинского творчества, также обращая внимание на самые значительные черты его биографии: дворянская семья и любовь к земле, подростковые травмы и известные литературные предки (поэтесса Анна Бунина и Жуковский, который итальянской публике представлен как переводчик «Одиссеи»), присуждение премии имени Пушкина, а затем смутные революционные годы, начало эмиграции.

Статья в «Ривиста д'Италия» является своего рода вдохновенной творческой биографией Бунина, написанную молодым литератором-эмигрантом, который, несмотря на быструю «итальянизацию», еще смотрит на русскую литературу как на неотъемлемую составляющую своего культурного я.

Говоря о раннем творчестве Бунина, Кюфферле упоминает острую реакцию дореволюционной критики на «отчаянный пессимизм» повести «Деревня» и противопоставляет ей распространенное эмигрантское мнение тех лет о пророческом значении повести.

Молодой Кюфферле, изгнанник и начинающий поэт, особенно ценит поэтическое творчество Бунина, не подчиняющееся никакой школе, его уникальность в общей картине русской литературы тех лет: «Как в поэзии, так и в прозе Бунин следует только одной форме — собственной, оригинальной. Он избегает всяческих “жанров” и считает, что подражание определенным канонам — не что иное, как вечный страх писателя выглядеть недостаточно “книжным”, в недостаточной степени похожим на тех, кто уже прославился. <...> Поздняя известность Ивана Бунина объясняется его неучастием в литературных спорах, в которых за первенство боролись декаденты, романтики, символисты и натуралисты, привлекавшие внимание всей России. Бунин работал и наслаждался уединением в унаследованном от предков имении»²⁸.

Кюфферле подчеркивает также оригинальность принципа, которого Бунин долго придерживался: делить каждый том своих сочинений на две части — проза и поэзия, и оценивает идею такой композиции, как бы заставляющей «рассеянную и спешащую публику покупать ее силой»:

²⁷ Corriere della sera. 1929. 12.XI. P. 5.

²⁸ См. статью «Искусство Ивана Бунина».

стихи, собранные в конце книги под заманчивым заглавием, увлекают «читателя, и источник драгоценными каплями утоляет жажду каждого сердца, потому что Бунин — подлинный поэт»²⁹.

Часть статьи «Корифей Бунин» посвящена литературному воплощению странствий Бунина по миру, описанных как поэтические поиски самого себя: «Гондола баюкала его влажным молчанием осенней Венеции при лунном свете; в горах Сицилии он проник в заброшенный монастырь и там, среди развалин алтаря, увидел потухшую кафельницу и приказал своему сердцу, исполненному огня, пылать до конца, как некогда угли и смола в этой кафельнице»³⁰. Упомянутое стихотворение «Кафельница» будет переведено Кюфферле вместе с другими («Ритм», «У гробницы Вергилия», «Ночлег») и прочтено на конференциях и по радио — это объясняет их публикацию в 1932 г. в главном радиотелефоническом итальянском журнале — искренняя дань почитания молодого поэта великому мастеру³¹.

Кюфферле высоко ценит сочинения эмигрантского периода, подтверждающие уникальность писателя: «Бунин не из тех писателей, кого можно назвать автором одного произведения (часто первого), но и не из тех, кто идет вперед, создавая достойные труды, но никогда не производя “шедевра”, в котором бы раскрылись все их творческие способности. Новаторство и незаурядность — неизменные черты его новых произведений. Отсюда невероятное наслаждение читать его, но также и сложность, на первый взгляд непреодолимая, — как вкратце представить его самые характерные произведения»³².

Кюфферле по-своему толкует вопрос автобиографичности бунинской прозы: «он обладает крайне развитой способностью объективации, позволяющей ему не только анализировать себя, словно проецируя перед собой свое “я”, но и вмещать, заставляя оживать внутри себя, людские судьбы самых разных мест и эпох»³³.

Драматическая судьба страны и самого поэта переданы в словах: «До последней минуты надежды Ивана Бунина, как горестные часовые его любви к родине, обращались на запад <...> Отчаянный крик последних надежд Бунин хранит в себе как суровую боль, как спутницу в нынешнем изгнании на французской земле»³⁴.

²⁹ Там же.

³⁰ «Корифей Бунин».

³¹ *Küfferle R.* La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio — 6 Febbraio. P. 13. См. прилагаемый перевод.

³² «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

³³ Там же.

³⁴ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

И еще одна, как бы итоговая цитата: «Его стиль достигает лапидарной ясности даже при богатстве красок. Творчество Бунина этим выделяется: оно музыкальное и при этом емкое, богатое красками и при этом точное. Стремление достичь выразительной точности, четкости изображения, не оставляя в стороне магической палитры, свидетельства страстного бунинского увлечения живописью, которое отражается в восхитительных словесных пейзажах, нашло полное воплощение в последних его книгах. Математическая точность фразы сочетается у Бунина со стилем, который превосходит даже самый гармоничный стиль Тургенева, его учителя. <...> Творчество Ивана Бунина в большей своей части пронизано глубинным пантеистическим чувством»³⁵.

Не умалчивается также переводческая деятельность Бунина: «Байрон и Лонгфелло нашли в нем почитателя и элегантно русское облачение»³⁶.

Для Кюфферле Бунин — настоящее литературное открытие, он разделяет мнение многих современников о его роли *корифея* русской литературы, как гласит статья 1929 г., той литературы, которая продолжала, во всей своей многогранности, культурные традиции XIX в.: «Таким образом, центр русской культуры и литературной деятельности переместился с родины на Запад, и здесь, вопреки трудностям, продолжается плодотворная жизнь молодой, но в то же время уже ставшей классикой культурной традиции, воплотившейся в великих литературных произведениях»³⁷.

Современному читателю некоторые крылатые обороты рецензий и эссе Кюфферле могут показаться вычурными, витиеватыми, например, в статье для “*Congiere*” он сравнивает Бунина с огромным дубом, «укрепленным своими корнями в суровую действительность»³⁸. Или: «По мере того как продолжалось его разнообразное странствие по земле и по морю, Бунин ощущал прилив новых сил, которые требовали воплощения в искусстве. Глаза не могли насытиться, впитывая цвета, его палитра обогащалась яркими тонами. Ему было уже легко воспроизвести с желаемой точностью экзотическое окружение. В равной степени правдиво перо Бунина выразило таинство смерти русского крестьянина в бедной избе и с другим оттенком, оригинальным и неповторимым, изобразило конец несчастного рикши, чей маленький труп был обнаружен вечером в пригородном лесу Коломбо, или смерть на Капри того господина из Сан-Франциско <...>. Долгая разлука также позволила Бунину увидеть в ином, истинном, объективном свете Россию с ее бедами, с предназна-

³⁵ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

³⁶ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

³⁷ «Искусство Ивана Бунина» (см. в приложении).

³⁸ «Корифей Бунин» (см. в приложении).

ченной ей исторической судьбой. <...> Если писатель призван выразить в прекрасном правду, помогая прояснить случившееся и утешить людей, не отказываясь никогда от высокого призвания, которое требует спокойствия и жертвенности, Бунин не склонился под тяжестью собственной беды, а продолжил писать»³⁹.

Такие выражения, безусловно, отражают не только стиль эпохи, но и стремление Кюфферле к высокому литературному стилю, достойному мастерства Бунина.

Самый интенсивный период взаимоотношений Кюфферле и Бунина относится к 1930 г. и связан с работой над изданием первой части «Жизни Арсеньева» в издательстве Биетти⁴⁰, с которым Кюфферле начинает сотрудничать с конца 1929 г., создавая в начале 1930 г. серию “Biblioteca russa” (Русская библиотека).

О переводе и издании «Жизни Арсеньева» мы узнаем ряд подробностей из писем Кюфферле к Бунину и, параллельно, из переписки Кюфферле с Амфитеатровым. Кюфферле был знаком с журнальным изданием «Арсеньева» 1928 и 1929 гг.⁴¹ и в упомянутой статье для “Corriere della Sera” писал о том, что Бунин начал «большой роман». Проект издания обсуждается с автором начиная с конца 1929 г. Кюфферле, очень занятый другими переводами и разной публицистической работой⁴², поручает перевод Валентине Долгиной-Бадольо, учитывая, по всей вероятности, два момента: ее хорошую профессиональную репутацию и некий опыт перевода бунинских текстов (она уже работает над переводом «Деревни» для туринского издательства «Славия»)⁴³.

Милан, 25-го янв<аря> 1930 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за книги и за любезные письма. Извините, что не ответил Вам сразу. Очень Вам признателен за пересылку Ал-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Издательский дом “Bietti” основан в Милане в 1870 г.; в 1920-х гг. выпускал русских классиков (Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова). В 1930-е гг. была основана серия «Русская библиотека», которую курировал Р. Кюфферле и в которой издавались многочисленные переводы русских писателей-эмигрантов (Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, М.А. Алданова, И.А. Бунина).

⁴¹ Первые четыре части романа напечатаны в журнале «Современные записки» (№№ 34, 35, 37, 40).

⁴² Кюфферле переводил роман «Игрок» Ф.М. Достоевского (*Dostoevski F. Il giocatore / Traduzione in versi di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1930*), активно печатался в “Corriere della Sera”.

⁴³ *Bunin I. Campagna: romanzo / Prima versione integrale dal russo con note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggioli. Torino: Slavia, 1930.*

данову «Св<ятой> Елены»⁴⁴. По-видимому, в издательстве перепутали адреса, т<ак> к<ак> я отдал для посылки и экземпляр с надписью Вам. С удовольствием получу отдельное издание «Жизни Арсеньева»⁴⁵. Ее будет переводить одна из самых лучших переводчиц и книга выйдет в свет в апреле с моим предисловием. До ее появления я буду говорить о Вас по радио⁴⁶.

С искренним приветом горячо жму Вашу руку. Ваш

Rinaldo Küfferle⁴⁷

Насчет решения поручить перевод Долгиной-Бадольо выражал опасения Амфитеатров: «Об «Арс<еньеве>» я, прочитав «Деревню», писал Кюфферле, чтобы он очень следил за переводчицей (Долгина-Бадольо). Она добросовестная и точная (даже слишком), но грубая, с несвободным языком. Боюсь за словесную музыку «Арс<еньева>». Лучше бы Кюфферле сам переводил»⁴⁸.

Опасения Амфитеатрова оказались не напрасными:

Милан, 3-го июля 1930 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич,

Наконец я сдал в типографию «Юность Арсеньева»⁴⁹. Просидел над нею три недели. Ее перевела дословно, но не справившись с музыкой Вашего слога, M-me Dolghin-Badoglio (та самая, что перевела «Деревню» для «Славии») ⁵⁰, а на мою долю выпала литературная обработка ее труда. Надеюсь, что в настоящем виде «Юность Арсеньева» вполне Вас удовлетворит. Насчет «Деревни» скажу Вам следующее: ни протестовать, ни возбуждать процесса я Вам не советую, т<ак> к<ак> книга, по истечению десятилетия со дня ее первого издания, считается уже не защищенной для перевода на иностранные языки. Поэтому обратитесь просто в издательство с письмом в роде того, которое Вы намеривались <так!> написать, но несколько смягчив его. Адрес: Casa

⁴⁴ Речь идет об итальянском издании романа Алданова в переводе и с предисловием Кюфферле: *Aldanov M. Sant'Elena piccola isola / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1929.*

⁴⁵ Имеется в виду: *Бунин И. Жизнь Арсеньева. Ч. 1. Истоки дней. Париж: Современные записки, 1930.*

⁴⁶ О своем выступлении о Бунине по радио Кюфферле пишет Амфитеатрову 30 октября 1930 г. (Amfiteatrov Mss.). За этот год известно также выступление на конференции в Милане, в обществе «Convegno».

⁴⁷ Автограф: РАЛ. MS 1066/3404; на бланке: Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.

⁴⁸ Из письма Амфитеатрова Бунину от 2 июля 1930 г. (РАЛ. MS 1066/1586).

⁴⁹ Итальянское издание романа носило заглавие «La giovinezza di Arseniev» (Milano: Bietti, 1930).

⁵⁰ *Bunin I. Campagna.*

Editrice “Slavia”. Corso Oporto, 2. TORINO⁵¹. Когда-то я Вам, кажется, писал, что «Деревня» вышла и в другом издании, в переводе отвратительном (1928 г.)⁵². Там даже говорится в предисловии, что Вы — “figlio di Atanasio Bunin e di una turca di nome Salma”⁵³ и что Вы — “membro onorario di dodici accademie”⁵⁴. Если хотите написать и этому издательству, то его адрес: Soc<ietà> An<onima> Edizioni “Delta”. Corso Garibaldi, 22. Milano. Т<ак> к<ак> я давно порвал свои сношения со «Славией», то в письме туда Вы обо мне не говорите. К «Юности Арсеньева» будет приложен Ваш портрет. Он у меня имеется. Это, наверно, одна из последних Ваших фотографий; я получил ее от Вас недавно с «избранными стихами»⁵⁵.

Шлю Вам сердечный привет и горячо жму руку.

Ваш Ринальдо Кюфферле
(по отчеству — Петрович)

P.S. Извините за ужасный почерк: мне так редко приходится писать по-русски, что рука совсем отвыкла⁵⁶.

Из письма мы узнаем о полемике, возникшей между Буниным и туринским издательством «Славия» по поводу издания «Деревни», за которое автору не выплатили гонорар. Вопрос обсуждается и в переписке Бунина с Амфитеатровым того периода, и в следующем письме Кюфферле, наряду с вопросом о выборе портрета для «Юности Арсеньева»:

Милан, 10-го июля 1930 г.

Глубокоуважаемый

Иван Алексеевич,

Очень благодарю Вас за чудный портрет. Для книги у меня уже имеется другой, который мне кажется не менее удачным. Этот же может пригодиться для какого-нибудь журнала. А затем я заберу его к себе. Вы на меня смотрите таким усталым взглядом с фотографии, которая здесь в моей комнате, что я хочу заменить ее новым портретом.

⁵¹ Издательство “Slavia”, основанное в 1926 г. в Турине Альфредо Полледро, выпускало переводы с русского и других славянских языков.

⁵² *Bunin I. Il villaggio / Traduzione integrale dal russo di Maria Karklina Racovska e S. Catalano. Milano: Ediz. “Delta”, 1928.*

⁵³ «сын Афанасия Бунина и турчанки Сальмы» (*итал.*); издатели явно перепутали Бунина с В.А. Жуковским, исказив имя матери (Сальха).

⁵⁴ «почетный член 12-ти академий» (*итал.*).

⁵⁵ Имеется в виду издание: *Бунин И. Избранные стихи*. Париж: Современные записки, 1929; вышло с портретом автора. Ни портрет, ни книга не сохранились.

⁵⁶ Автограф: РАЛ. MS 1066/3405; на бланке: Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.

Та, наверно, фотография тех тяжелых дней, которые предшествовали Вашему выезду из России⁵⁷.

Спасибо за письмо. Хорошо сделали, что написали «Славии» в такой форме. Закон о десятилетнем сроке находится в той же самой Convention de Berne, о которой Вы упоминаете. Гласит она так: Art<icle> 5. Les auteurs ressortissant à l'un des pays de l'Union⁵⁸, ou leurs ayant cause, jouissent, dans les autres pays, du droit exclusif de faire ou d'autoriser la traduction de leurs ouvrages jusqu'à l'expiration de dix années à partir de la publication de l'oeuvre originale dans l'un des pays de l'Union⁵⁹. Etc. О том же говорится и в Acte Additionnel du 1 mai 1896: Art<icle>1, III. Article 5. "Les auteurs ressortissant à l'un des pays de l'Union, ou leurs ayant cause, jouissent, dans les autres pays, du droit exclusif de faire ou d'autoriser la traduction de leurs oeuvres pendant toute la durée du droit sur l'oeuvre originale. Toutefois, le droit exclusif de traduction cessera d'exister lorsque l'auteur n'en aura pas fait usage dans un délai de dix ans à partir de la première publication de l'oeuvre originale, en publiant ou en faisant publier, dans un des pays de l'Union, une traduction dans la langue pour laquelle la protection sera réclamée"⁶⁰. На этом-то и основывается право издателей. Ал<ександр> Вал<ентинович> Амфитеатров мне пишет по этому поводу вот что: «Для Бунина необходимо как-нибудь усостенить Polledro. Вообще это пресловутое dominio pubblico⁶¹ — такая штука, что нам, русским писателям-эмигрантам, приходит от нее голодная смерть. Нехорошо будет, хотя бы той же «Славии», рекламирующей свою любовь к русской литературе и разжившейся на своем «Русском Гении»⁶², если все мы однажды, потеряв терпение, выступим с таким же коллективным протестом, как недавно против нового закона о пе-

⁵⁷ В архиве Кюфферле хранятся два фотопортрета Бунина, из которых один не имеет даты, а другой, большого формата, датирован автором: «Снято в апреле 1930».

⁵⁸ Имеется в виду Union Internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques (Международный союз по охране литературных и художественных произведений).

⁵⁹ Авторы, проживающие в одной из стран Союза, или их наследники пользуются в других странах исключительным правом делать или разрешать перевод своих произведений в течение десяти лет с момента публикации оригинального произведения в одной из стран Союза (*фр.*).

⁶⁰ Авторы, проживающие в одной из стран Союза, или их наследники пользуются в других странах исключительным правом делать или разрешать перевод своих произведений в течение всего срока действия права на оригинальное произведение. Однако исключительное право на перевод прекращает действовать, если автор не воспользовался им в течение десяти лет после первой публикации оригинального произведения, опубликовав, лично или опосредованно, в одной из стран Союза перевод на иностранный язык, требующий охраны права (*фр.*).

⁶¹ общественное достояние (итал.).

⁶² Серия «Славии», посвященная русской литературе, называлась "Il genio russo" (Русский гений).

чати, принятого в Югославии»⁶³. Я сделал выписку из Convention de Verne, чтобы Вы могли показать ее Вашим друзьям и посоветоваться с ними. На днях будут готовы корректуры «Жизни Арсеньева». Я писал в “Corriere della Sera” о «Современниках» Алданова⁶⁴ и послал ему статью в Париж, но до сих пор не получил ответа. Если он еще в Грассе, то скажите ему, пожалуйста, что я желал бы получить его летний адрес. Я пока в Милане. Адресуйте мне на дом: via Ampère, 46 Milano (132). Если Вам еще что-нибудь понадобится, то я весь к Вашим услугам.

Шлю Вам сердечный привет. Преданный Вам

Ринальдо Кюфферле⁶⁵

Перевод «Арсеньева» вышел в октябре 1930 г. Предисловие Кюфферле (с. 9–21) в большей части составлено из материала уже опубликованных статей (о литературном таланте Бунина, о его творчестве, о «Деревне», о сборниках «Митина Любовь» и «Солнечный удар»). О самом романе написано довольно кратко, хотя из переписки Кюфферле с разными лицами узнаем, что он читал отдельные страницы романа на конференциях (в Генуе, Милане и в итальянской части Швейцарии): «С такой же непосредственностью воскресает далекая Россия в большом романе, который Бунин пишет сейчас, под названием “Жизнь Арсеньева”, отчасти автобиографическом. Он, как фокус линзы, вобрал в себя жизненный опыт автора и свет его искусства. В нем, возможно, Бунину дано будет, по замечанию Амфитеатрова, “договорить то, чего не успели сказать Толстой, Достоевский и Чехов, и уяснить наконец Западу загадку, что такое вечно приводящая его в недоумение ‘славянская душа’”. Написанная к настоящему моменту часть может считаться отдельным произведением, и в этом качестве она выходит под заголовком, который сам автор выбрал для итальянского издания. Мысль и поэзия, переживание действительности и стремление к идеалу, отвращение и радость, боль и любовь, история молодости, достойной того, чтобы обдумать ее и восхититься тем, как она рассказана: это веха, у которой Бунин оставляет взволнованного путника, а сам прорубает ударами кирки путь в царство красоты, прокладывая для тех, кто последует за ним, новый участок той великолепной дороги, часть которой же пройдена»⁶⁶.

⁶³ Упомянутое письмо Амфитеатрова утрачено. Тема проходит также в переписке Бунина и Амфитеатрова.

⁶⁴ Имеется в виду статья: *Bivacco di un rivoluzionario. Trozki narra se stesso // Corriere della Sera*. 1930. 17.VI. P. 3.

⁶⁵ Автограф: РАЛ. MS 1066/3406; на бланке: Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle, Casa editrice Bietti, Viale Monza N. 53, Milano.

⁶⁶ *Bunin I. La giovinezza di Arseniev / Introduzione di Rinaldo Küfferle, traduzione di Valentina Dolghin Badoglio. Milano: Casa Editrice Bietti, 1930. P. 18–19.*

В конце октября Кюфферле пишет Бунину:

Милан, 27-го октября 1930 г.
Глубокоуважаемый
Иван Алексеевич!

Не знаю, получили ли Вы авторские экземпляры “Giov<inezza> di Arseniev”, которые я выслал в Грассе еще в начале месяца. 19-го октября, в 10 часов вечера, я говорил по радио (Eiar, Stazione di Milano, Torino — Genova) о Вашем творчестве. На днях я перевел «Рассказ Петра Петровича» для сборника Русских Юмористов⁶⁷. Я составляю его в сотрудничестве с Ал<ександром> Вал<ентиновичем> Амфитеатовым. Как только появятся в газетах отзывы о “Giov<inezza> di Arseniev”, я Вам пришлю их⁶⁸.

Примите от меня на память мою карточку.

До Рождества я буду занят переводом «Садко» для Teatro Reale dell'Opera di Roma. А потом надеюсь побывать в Париже. Мне необходимо иметь с Вами беседу для интервью в “Corriere della Sera”. От души буду рад познакомиться с Вами лично.

Горячо жму Вашу руку. Весь к Вашим услугам

Rinaldo Küfferle⁶⁹

В архивных материалах Кюфферле за 1931 г. данные о контакте с Буниним не обнаружены, но из переписки Бунина с Амфитеатовым этого года мы узнаем, что Бунин, обращаясь к Амфитеатову с просьбой

⁶⁷ Имеется в виду сборник: *Amfiteatrov A. — Küfferle R. Intorno al samovar. Umoristi russi moderni* «Вокруг самовара. Современные русские юмористы». Milano: Bompiani, 1931. В качестве предисловия (С. 5–50) был опубликован очерк Амфитеатрова “Le vie e le sorti dell'umorismo russo” («Пути и судьбы русского юмора»). «Рассказ Петра Петровича» — под таким названием был напечатан в журнале «Иллюстрированная Россия» (1928. № 17, 21 апр. С. 1–8) рассказ Бунина «Алексей Алексеич», ранее выходивший в газете «Возрождение» (1927. № 760, 2 июля. С. 2). При публикации рассказа в сборнике «Божье дерево» (Париж: Современные записки, 1931) ему было возвращено первоначальное название. Рассказ вошел в антологию Бомпиани под названием “Alessio Alesseic è morto” (С. 109–124).

⁶⁸ Отзывы на перевод «Жизни Арсеньева», который переиздавался у Биетти в 1933 г., не обнаружены.

⁶⁹ Автограф: РАЛ. MS 1066-3407; На бланке “Biblioteca Russa a cura di Rinaldo Küfferle. Casa Editrice Bietti. Viale Monza N. 53. Milano. Tel. 27065”.

о поддержке его кандидатуры на Нобелевскую премию со стороны деятелей культуры Италии, рассчитывал также на содействие Кюфферле:

Насчет премии Вы правы — достаются они всегда неожиданным кандидатам. И все-таки надо что-то делать — тем более, что уж очень измучен я вечным страхом за кусок хлеба, — часто буквально за кусок хлеба, — и всяческими лишениями, уже весьма трудными мне в моем возрасте. Совестно было беспокоить Вас, но раз разрешаете сами, очень прошу: да, помогите, если можете! Помогите и сами и через Кюфферле. Ему я уже писал эту просьбу (и получил сейчас от него ответ, где говорится, что «он весь к моим услугам»).

<...> P.S. Всё это, конечно, пусть «останется между нами». Откровенно поговорите об этом письме только с Кюфферле⁷⁰.

В письме Амфитеатрову от 8 марта того же года Кюфферле писал: «Получил от Лю Гатто письмо. Он хлопочет в Падуе по устройству Вашей лекции и извещает, что сделал всё, от него зависящее, в пользу кандидатуры Бунина»⁷¹.

Присуждение Нобелевской премии пробудило интерес итальянских издателей к творчеству Бунина, и началось настоящее соревнование: за 1933 и 1934 гг. вышел целый ряд переводов — «Суходол», «Господин из Сан-Франциско» и два издания «Деревни»⁷². По списку произведений видно, что издатели выбирали дореволюционную прозу, частично уже переведенную и свободную от издательского права, как свидетельствует полемика 1930 г. со «Славией». Кюфферле, наоборот, ведет переговоры с автором и Мондатори (сохранилась его корреспонденция с издателем за 1933–1934 гг.)⁷³ на издание более новых и неизданных в Италии произведений. Речь идет о сборнике, куда Кюфферле хочет поместить лучшие рассказы из сборников «Митина любовь», «Солнечный удар» и «Божье древо», точнее — рассказы «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Ида», «Солнечный удар», «Ущелье». В силу этих переговоров и в попытке приостановить другие возможные издания конкурентов, властный Мондатори объявляет официально, в печати и по радио, что Бунин предоставил ему полный эксклюзив, изрядно удивив этим автора. 1 января 1934 г. Ам-

⁷⁰ Из письма Бунина к Амфитеатрову от 6 января 1931 г. (Amfiteatrov Mss.)

⁷¹ Amfiteatrov Mss.

⁷² Речь идет об изданиях: *Bunin I. Valsecca. Romanzo / Traduzione e introduzione di Renato Poggioli. Lanciano: G. Carabba, 1933; Bunin I. Il villaggio / Traduzione di N. Artinoff. Milano: Corbaccio, 1933; Bunin I. Il villaggio (campagna) / Prima versione integrale dal russo e note di Valentina Dolghin Badoglio con prefazione di Renato Poggioli. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934; Bunin I. Il signore di San Francisco: racconti / Prima versione dal russo con note di Alfredo Polledro. Torino: Slavia (Il genio slavo), 1934.*

⁷³ Фонд Мондатори, Милан.

фитеатров сообщает Бунину: «Вчера же по Radio издательство Mondadori объявило, что приобрело исключительное право на перевод Ваших сочинений. Надеюсь, не продешевили? Это сейчас единственная итальянская фирма, с которой можно и стоит иметь дело в смысле платежеспособности, ибо Муссолини в прошлом году выручил ее из опасности краха и поддержал субсидией. Переводить будет Ринальдо Кюфферле? Это неплохо»⁷⁴. Озадаченный ответ Бунина не замедляет появиться: «Про издательство Mondadori первый раз слышу!»⁷⁵

В последующем обмене информацией упоминается решение Бунина назначить Марка Слонима уполномоченным представителем во всех издательских переговорах. По всей вероятности, Мондадори не связывался напрямую ни со Слонимом, ни с Буниным. Итальянский сборник “L’amore di Mitia ed altre prose” вышел в престижной серии “Medusa”, но редактор отнесся крайне поверхностно и пренебрежительно и к тексту, и к переводчику, своевольно корректируя его работу по вкусу «среднего читателя» и по требованиям фашистской цензуры. Об этом свидетельствует удрученное письмо Кюфферле Бунину, написанное после выхода сборника⁷⁶:

Дорогой Иван Алексеевич,

получив от издательства «Митину любовь», я был огорчен не менее Вас, т.к. я бился два с половиной месяца над художественной обработкой дословной передачи текста, а в редакции некий проф. Bianchetti (он же оркестрант, играет на скрипке в Scal’e) сунулся, по желанию издательства, «исправить» перевод. К счастью, все рассказы напечатаны полностью, без сокращений; а единственная — увы, безобразная — купюра в конце «Митиной любви» не зависит от издательства. Цензура не допускает больше появления книг с самоубийством, под угрозой секвестра. Мне просто больно писать об этом⁷⁷.

О том, что Кюфферле неоднократно просил гранки, свидетельствуют его письма к Мондадори. В статье, опубликованной через несколько месяцев после смерти Бунина, Кюфферле снова сожалеет по поводу того, что в течение двадцати лет итальянская публика не знала истинного конца истории главного героя одного из шедевров Ивана Бунина⁷⁸.

⁷⁴ РАЛ. MS 1066/1599.

⁷⁵ Письмо А.В. Амфитеатрову от 4 января 1934 г. (Amfiteatrov Mss.)

⁷⁶ *Bunin I. L’amore di Mitia ed altre prose / Traduzione e introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: A. Mondadori, 1934.* Кюфферле перевел повесть по первому, журнальному варианту: *Современные записки. 1925. № 23. С. 13–54; № 24. С 5–40.*

⁷⁷ Письмо от 25 августа 1934 г. (РАЛ. MS 1066/3409).

⁷⁸ *Küfferle R. Vent’anni dopo <Двадцать лет спустя> // Stampa sera. 1954. 3–4.VIII. P. 3. См. полный перевод в приложении.*

Несмотря на этот досадный результат, Бунин не затаил обиду и, когда весной 1936 г. Кюфферле поехал в Париж, принял его очень дружески, как показывает статья Кюфферле о встречах с писателями русского Парижа⁷⁹.

О дальнейших контактах Кюфферле с Буниным свидетельствует одно письмо от 13 ноября 1936 г.:

Дорогой Иван Алексеевич,
спасибо Вам большое за письмо с вырезкой из «П<оследних> Н<о-востей>». Я страшно возмущен тем, что Вам причинили некультурные и дикие чиновники в Линдау⁸⁰, и ознакомил друзей своих с этим Вашим злоключением.

Очень радуюсь, что Вы решились навестить Италию, и очень будет мне интересно узнать потом Ваши впечатления о ней. Жаль, что маршрут Ваш не включает Милана: так хотелось бы пожать Вам руку и провести с Вами день⁸¹!

Шлю Вам сердечный привет.

Получили ли Вы мою статью, напечатанную в “Nuova Antologia” 1-го октября, о нашем ужине в “Cloches de Moscou”? Там было много сказано о Вас⁸².

Искренно преданный Вам

Rinaldo Küfferle⁸³

Более поздние свидетельства о контактах между Буниным и Кюфферле не обнаружены. Можно только упомянуть о том, что в проекте издания антологии русской поэзии, над которым Кюфферле работал совместно с Б.К. Зайцевым в 1950-е гг., поэтическое творчество Бунина было представлено широко⁸⁴. Проект не осуществился из-за скоропостижной смерти Кюфферле в 1955 г.

⁷⁹ См.: *Küfferle R. Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi // Nuova Antologia. 1936. I.X. Русский перевод см.: Кюфферле Р. Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции / Публ., пер. и коммент. М.Г. Талалая // Диаспора: Новые материалы. [Вып.] IX. Париж; СПб., 2007. С. 431–451.*

⁸⁰ Письмо Бунина о задержании и обыске на немецкой границе со стороны местной таможи опубликовано в газете «Последние новости» 1 ноября 1936 г. (№ 5700. С. 1–2), в сопровождении статьи: «Злоключения И.А. Бунина в Германии. Русского академика, Нобелевского лауреата подвергли на границе неслыханному унижению и издевательствам».

⁸¹ В ноябре этого года Бунин провел неделю в Италии — в Риме, где посетил Вячеслава Иванова, Флоренции и Пизе.

⁸² *Küfferle R. Fra gli scrittori dell'emigrazione russa a Parigi.*

⁸³ Автограф: РАЛ. MS. 1066/3410; на бланке “Istituto tipografico editoriale. Milano, via Mortara. 4”.

⁸⁴ Машинопись антологии хранится в ФААМ.

Приложение*

<Рец. на: **Бунин И.А. Солнечный удар. Париж: Родник, 1927**>¹

Иван Бунин, один из важнейших представителей современной русской литературы, выпустил новый сборник рассказов, включающий «Солнечный удар» (который дал заглавие книге), «Ида», «Дело корнета Елагина», «Цикады» и другие небольшие вещи, которые автор публиковал в газетах в 1925–26 гг.² Каждый из вошедших в сборник рассказов при первом появлении наделал немало шума. Прежде всего, «Дело корнета Елагина», в котором Бунин рассматривает с действительно гениальной глубиной процесс гвардейского офицера Бартенева, убившего известную польскую актрису Висновскую. Со строго художественной точки зрения самыми значительными рассказами являются «Ида» и «Цикады». В «Иде» Бунин достигает наивысшего совершенства жанра в традиции Мопассана и Чехова. Амфитеатров сразу назвал этот рассказ лучшим в русской литературе за мастерство психологической правды, изящество, глубину изображения повседневности, силу деталей. «Цикады» — целый урожай поэтических мыслей, которые Бунин выражает с высочайшим изяществом языка в глубоком размышлении о жизни и смерти под пение цикад. В «Цикадах» Бунин превзошел в музыкальности фразы даже Тургенева, наиболее выразительным последователем которого он является больше, нежели любой другой русский писатель. Удачен и стиль рассказа «Воды многие», где описывается путешествие по Красному морю и Индийскому океану. Красотой и наблюдательностью этот рассказ не уступает известной книге путешествий Гончарова.

Рассказ “*Notre Dame de la Garde*” из последнего сборника «Солнечный удар» только что вышел в Италии в типографии “*Eroica*” в переводе ИллариИ Владимировны Амфитеатровой³.

* Переводы выполнены автором статьи при участии Анны Акимовой и Софьи Лурье. Перевод статьи «Двадцать лет спустя» выполнен Софьей Лурье.

¹ Novella. 1927. № 1. P. 58.

² В книгу вошли рассказы «Солнечный удар», «Ида», «Мордовский сарафан», «Дело корнета Елагина», «Страшный рассказ», “*Nôtre Dame de la Garde*”, «Поруганный Спас», «Обуза», «В саду», «Цикады», «Воды многие: Из путевой поэмы».

³ В альманахе перевод опубликован без указания имени переводчика: *Bunin I. Notre Dame de la Garde // L'Eroica. 1925. XIV. № 93/94. С. 32–36.*

<О рассказе «Ермил»>⁴

Ермил И. Бунина — невысокий коротконогий мужичок. Ему 50 лет. В деревне его все считают дураком, но он знает, что всё совсем не так, как думают люди. Тем не менее, чтобы спокойно перезимовать, он соглашается быть караульным в глухом лесу, прозванном «Острова», и переезжает туда со своими собаками. Один в избе, вдали от людей, он в безопасности. Но и в лесу есть свои страхи. Ветер шепчет, стонет, кричит в лесной чаще. Ермил всё выносит. По крайней мере, он один. Однажды он находит на дереве собачью голову с двумя-тремя шейными позвонками. У подножия дерева — жалкие останки животного. Он теряет покой. Кто и зачем убил эту собаку? Значит, и сюда, в лес, заходят люди? Вероятно, могут убить и его, Ермила, и повесить на суку? Жуткая находка зарождает в душе Ермила ужасное намерение.

И здесь Бунин проявляется как потрясающий художник и глубокий психолог. Ермил чувствует, что его преследуют даже в последнем убежище. Он запирает дверь. Не может спать. Прислушивается до рассвета. Обдумывает всю свою жизнь, исполненную постоянных унижений. Отчаянная тревога, настигшая его даже здесь, среди лесного одиночества, где он живет в постоянном беспокойстве и страхе, вызывает реакцию в сердце Ермила. Лучше убить, чем быть убитым. Но и этого мало. Писатель обнаруживает и показывает другой мотив, такой же сильный и естественный, в душе Ермила: «А что если никто и не придет?» Нужно убить. Теперь пора отомстить за все обиды. И вот он идет в деревню, хвалится деньгами, показывает их одному, другому. Перед сапожником Махором и его подручным Мишкой прикидывается, что боится, будто ночью кто-то придет в вывернутом полушубке, чтобы напугать его в Рождественский сочельник⁵. Весельчак Махор клонул. И, когда ночью он подходит с Мишкой в вывернутом полушубке к избе Ермила, тот внезапно появляется в окне, стреляет из ружья и убивает его. Финал достоин автора. Приговоренный к пожизненному сроку, Ермил отправлен отбывать наказание в монастырь, где остается жить послушником. «Я дюже преступный», — говорит он удовлетворенно.

Каждый новый рассказ И. Бунина вызывает при прочтении новые чувства и новый интерес. Как справедливо заметил Н. Кульман⁶, Бунин не из тех авторов, о будущих сочинениях которых можно судить по тому, что уже ими создано. Разнообразие его тем, стилей, образов и в самом

⁴ Novella. 1927. № 3. P. 168.

⁵ В тексте Бунина речь идет о Святках, с которыми связан народный мотив разгугла всякой нечисти.

⁶ Имеется в виду: *Кульман Н. «Цикады»* Бунина // Возрождение. 1925. № 198, 17 дек. С. 3–4.

деле неиссякаемо, что делает его одним из самых интересных современных русских писателей

**<Рец. на: Бунин И.А. Последнее свидание. Париж:
Т-во «Н.П. Карбасникова», 1927>⁷**

Иван Бунин опубликовал очередной сборник рассказов «Последнее свидание». Это по большей части те же рассказы, которые печатались в «Возрождении» (Париж). Другие отобраны из старых русских изданий произведений Бунина и являются переизданиями⁸. Краткость этой заметки не позволяет мне дать подробное критическое исследование этой содержательной и интереснейшей книги. Впрочем, о творчестве Бунина я напишу отдельно в одной из ближайших статей. Самые сильные в «Последнем свидании» рассказы — «Иоанн Рыдалец» (имя юродивого) и «Я всё молчу». В целом в сборнике передана атмосфера дореволюционной русской деревни. Великолепен характер зажиточного русского крестьянина в рассказе «Князь во князьях», в котором состоятельный землевладелец противопоставляется ослабевающему невзрастичному дворянству.

Искусство Ивана Бунина⁹

Слава настигла Ивана Бунина поздно, около 1910 г., благодаря полемике вокруг его повести «Деревня»¹⁰. Это произведение, казалось, исполнено слишком отчаянного пессимизма. В нем писатель всмотрелся в сложную русскую душу, трагическую по своей сути, и вывел ее без прикрас, такой как есть, на безучастно-ленивый суд интеллигенции.

Произведение особенно жестко критиковали те критики и интеллектуалы, которые хотели бы видеть в каждом литературном изображении мужика идеализированные тона, скрывающие самые болезненные язвы русской деревни.

⁷ Novella. 1927. № 4. P. 275.

⁸ В сборник вошли следующие произведения: «Последнее свидание», «Всходы новые», «Иоанн Рыдалец», «Жертва», «Я все молчу», «Оброк», «Лирник Родион», «Князь во князьях», «Последний день», «Сказка», «Будни», «Хороших кровей», «Личарда», «Забота», «Снегур» (впоследствии рассказ получил название «Снежный бык»), «Копье Господне».

⁹ Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin // Rivista d'Italia. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667. Все примечания в статье авторские.

¹⁰ Переиздана в 1921 г. издательством «Русская земля» (Париж).

Однако в «Деревне», в картине непохожих, но в равной степени жалких судеб двух братьев, Тихона и Кузьмы, изображенных в их унылом захолустье, где, за дальностью расстояний, стихает эхо беспокойной жизни городов, уже заметны были определенные опасения автора за будущее России (почти пророческими выглядят эпизоды деревенских беспорядков, подогретых революционными выступлениями после русско-японской войны). Ответом на придирки критики и образованной публики стали события 1917 г. Горькие пророчества Бунина не только сбылись, реальность превзошла их. Год спустя он уехал из Москвы на Юг России. Там продолжалось упорное противостояние между «белой армией» и «красными». В 1920 г. писателю ничего не оставалось, кроме как выбрать путь изгнания.

За границей он встретил немалое число самых именитых русских писателей. В 1921 г. при драматических обстоятельствах покинул родину и Александр Амфитеатов, друг и гость Италии; в 1922-м уехал во Францию Иван Шмелев, написавший с марта по сентябрь 1923 в Грассе ужасающую книгу о том, что ему довелось пережить в Крыму в 1921–22 гг. под властью большевиков¹¹. Таким образом, центр русской культурной и литературной жизни переместился с родины на Запад, и здесь, вопреки трудностям, продолжается плодотворная жизнь молодой, но в то же время уже ставшей классикой культурной традиции, воплотившейся в великих литературных произведениях.

Как уже сказано, слава пришла к Ивану Бунину поздно. К выходу «Деревни» он не был «начинающим автором» (хотя это выражение сегодня применяют и к тем, кто уже в возрасте), но в его активе было несколько томов прозы и поэзии — частично переводов с английского, частично собственного сочинения.

В композиции своих первых книг Бунин придерживался нового принципа, которому следовал и в дальнейшем: делить каждый том на две части — проза и поэзия. Так поэзия, шествуя «рука об руку» с прозой, имела пропуск повсюду. Бесспорно, рассеянная и спешащая публика не обращала особенного внимания на поэзию, однако идея заставить ее покупать не была бесплодна: стихи, собранные в конце книги под заманчивым заглавием, увлекают читателя, и источник драгоценными каплями утоляет жажду каждого сердца, потому что Бунин — подлинный поэт.

Еще совсем молодым он выпустил книги, благосклонно встреченные критикой и заслужившие даже Пушкинскую премию Российской академии наук. В 1909 г. он был избран почетным академиком. Эта

¹¹ Шмелев. «Солнце мертвых». Изд-во «Возрождение». (Париж).

степень соответствует званию французских академиков «Бессмертных». Среди почетных академиков был также Лев Толстой.

Поздняя известность Ивана Бунина объясняется его неучастием в литературных спорах, в которых за первенство боролись декаденты, романтики, символисты, натуралисты, привлекавшие внимание всей России. Бунин работал и наслаждался уединением в унаследованном от предков имении. Он пристально исследовал землю, с которой был кровно связан: почти все его предки были помещиками.

Он происходил из старинного рода, который дал русскому искусству блестящие имена поэтессы Анны Буниной и поэта, знаменитого переводчика «Одиссеи» Василия Жуковского, сына Афанасия Бунина и турчанки Сальхи. В имении прошли первые годы Ивана Бунина, отрочество было омрачено духовным кризисом после смерти маленькой сестры, но, к счастью, этот кризис не оставил болезненных следов в здоровой и сильной душе поэта.

Любовь к родной земле не помешала ему предпринять длительные путешествия. Бунин посетил Балканы, Турцию, Грецию, Сирию, Палестину, Алжир, Тунис, Египет; он достиг тропиков, останавливался в Италии.

Вооруженный этим опытом, замеченный публикой благодаря полемике, которая вспыхнула вокруг его «Деревни», Бунин продолжал писать без остановки. Крылья его гения уже несколько лет отбивают ритм высокого, ровного полета и под ясным небом, и в грозových облаках. Бунин не из тех писателей, кого можно назвать автором одного произведения (часто первого), но и не из тех, кто идет вперед, создавая достойные труды, но никогда не производя «шедевра», в котором бы раскрылись все их творческие способности. Новаторство и незаурядность — неизменные черты его новых произведений. Отсюда невероятное наслаждение читать его, но и непреодолимая на первый взгляд сложность — вкратце представить его самые характерные произведения.

Как в поэзии, так и в прозе Бунин следует только одной форме — собственной, оригинальной. Он избегает всяческих «жанров» и считает, что подражание определенным канонам — не что иное, как вечный страх писателя выглядеть недостаточно «книжным», недостаточно похожим на тех, кто уже прославился. Но в чем заключается горький плод подобного подражания? «И вечная мука — вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее».

Творчество Ивана Бунина, напротив, лучшее выражение поэта. Форма — это сосуд, в котором, как в шкатулке, сохраняются самые редкие жемчужины, словно спасенные поэтом от огня или из кораблекрушения. Но это вовсе не означает, что творения Бунина преиму-

ственно автобиографичны. Напротив, он обладает крайне развитой способностью объективации, позволяющей ему не только анализировать себя, словно проецируя перед собой свое «я», но и вмещать, заставляя оживать внутри себя, людские судьбы самых разных мест и эпох.

Нет ничего у Ивана Бунина, что не воплощалось бы с живой непосредственностью, которая является достоинством правдивых произведений. Однако и здесь не нужно смешивать искренность с засилием «отсебятины».

Бунин никогда не изливает душу в тексте. Он обладает высшим чувством меры. Его стиль достигает лапидарной ясности даже при богатстве красок.

Творчество Бунина выделяется этим: оно музыкальное и при этом емкое, богатое красками и при этом точное. Стремление достичь выразительной точности, четкости изображения, не оставляя в стороне магической палитры — свидетельства страстного бунинского увлечения живописью, которое отражается в восхитительных словесных пейзажах, — нашло полное воплощение в последних его книгах. Математическая точность фразы сочетается у Бунина со стилем, который превосходит даже самый гармоничный стиль Тургенева, его учителя.

За годы эмиграции Бунин собрал и издал написанное ранее, переиздал несколько книг, создал новые произведения. Недавно опубликован сборник рассказов 1912–13 гг., который Бунин не без умысла назвал «Последнее свидание»¹². В основном в нем показаны «его» герои. Это печальное прощание изгнанника с далекой родиной. Незадолго до «Последнего свидания» был выпущен «Солнечный удар»¹³, куда вошли десять рассказов 1925–26 гг.

Особенное очарование этой книге придает разнообразие сюжетов: от любовного приключения поручика на Волге (рассказ, давший заглавие книге) до психологического портрета и истории преступления офицера Бартенева, который убил известную польскую актрису Висновскую («Дело Корнета Елагина»), и размышления поэта о жизни и смерти летней ночью под пение цикад («Цикады»). В сборнике есть рассказ о тайной любви, подлинный шедевр трагической исповедальности и поэзии человеческой жизни («Ида», по имени героини), а также дневник путешествия по Красному морю и Индийскому океану, свежий взгляд на дорожные впечатления, который, благодаря большой выразительной силе, оказывается интереснее «Фрегата Паллады» Гончарова («Воды многие»).

¹² Изд-во Н.П. Карбасников. Париж, 1922.

¹³ Изд-во «Родник». Париж, 1927.

Своего рода «малым романом» или «поэмой в прозе» можно назвать «Митину любовь»¹⁴, в которой автор описывает неудержимое развитие любовной страсти в сердце простого и наивного юноши, отчаянно влюбленного в девушку из дворянской семьи. Она постепенно отдаляется от возлюбленного, и он отправляется к себе в деревню. Здесь любовь преследует его, обостряется, словно неизвестная болезнь. Тщетно ждет он писем из Москвы. Окружающая его природа и убаюкивает, и в то же время раздражает болезненную тоску. Страсть пожирает его. На мгновение он забывается в объятиях деревенской женщины, но и она не утоляет разрушительного огня, который уничтожает душу изнутри, оставляя только жгучую боль. В финале решительно и с наслаждением он убивает себя выстрелом из револьвера в рот.

Постепенное развитие любовной болезни разворачивается на фоне пробуждения земли, которая весной расцветает вокруг дома одержимого. Таинственная связь между Митей и окружающей природой ставит это произведение в один ряд с научными трудами по исследованию психологии любви.

«Митина любовь» написана осенью 1924 г. в Приморских Альпах, но русский пейзаж настолько достоверен, передан с такой свежестью, что хочется спросить, почему принято считать, что русские писатели-эмигранты не сохранили связи со своей родиной.

Бунин много путешествовал и может дать представление о самых разных уголках света благодаря способности уловить уникальные черты любого пейзажа. Как оживает, к примеру, остров Капри в «Господине из Сан-Франциско»¹⁵ или Алжир в «Сыне»!

Творчество Ивана Бунина в большей части пронизано глубинным пантеистическим чувством. Он знает, что не имеет начала, и знает, что не имеет конца. Его начало растворено в длинной веренице его предков, финалом будет возвращение в великое Всё. Будущее туманно, молчит память о бесконечных прежних жизнях — Бунин знает, что и эта жизнь кончится. Отсюда стремление успеть зафиксировать на бумаге, обесмертить в искусстве и таким образом спасти от уничтожения смертью каждое движение души, чувствительной к красоте этого мира. Мира, который вскоре придется оставить, — оттого ко всякой радости у него примешивается горечь.

От этой постоянной борьбы с неминуемым забвением, со смертью, что ожидает каждого человека в конце его земной жизни, Бунин иногда отдыхает, возвращаясь к гармонии универсума, отдаваясь потоку великого Всего. В эти мгновения он перестает беспокоиться о себе как

¹⁴ Изд-во «Родник». Париж, 1925.

¹⁵ Изд-во «Русская земля». Париж, 1921.

об индивидууме. Его душа не может умереть. Она перейдет в другого, в миллионы других, следующих, обогащенная всем пережитым.

«Счастливы вы, / Что моя душа, *Виргилий*, / Не моя и не твоя!» — восклицает он в стихотворении «У гробницы *Виргилия*». Другому смертному будет снова дано любоваться радостью земли, весной. Не всё ли равно — кому?

Но такие моменты пережитого счастья редки. Счастлива со вздохом умирающая на песке волна, не подозревающая о смерти; счастливо любое человеческое существо, погруженное в сон жизни. Кто осознает — мучается. Эта мука была дана Бунину Богом. Из двух категорий, на которые разделены люди, — бесконечной вереницы блаженных существ, не осознающих себя, и немногочисленной категории осознающих себя и стремящихся проникнуть в тайну вещей, — он принадлежит ко второй.

Невзирая на это, неправы те критики, которые называют Бунина пессимистом. Если на своем пути Бунин видел больше горя, чем радости, не оттого он всё видит в черном цвете, не из-за этого жизнь тяготит его. Видение *Нирваны*, напротив, пугает его именно оттого, что слишком сильна его любовь к иллюзорной *Майя*.

«Всё ритм и бег. Бесцельное стремленье! Но страшен миг, когда стремленье нет» («*Ритм*»). Остановка несет с собой размышление и муку. Чтобы избежать их, нужно отдаться потоку жизни, этому “*Streben*” (*нем.* «стремленье»), загадочному и дарующему покой. Это знает и об этом пишет Бунин, и он продолжает свое трудовое бдение, поскольку осознает, что его крест не бесплоден, потому что страдание художника есть утешение человечества.

Ринальдо Кюфферле

Русские писатели за рубежом. *Корифей Бунин*¹⁶

Ни мировая война, ни большевистская революция, разразившиеся над головой *Ивана Бунина* с внезапностью урагана, который поражает путника среди пустынного края, не сломали его. Как прочный дуб, ушедший корнями в суровую действительность, не только русскую, но и мировую, его питали философия, вопросы морали, религии, истории. Бунин был готов к моменту, когда разверзлись тучи, давно собиравшиеся в небесах истории, поэтому снежная буря лишь покачнула ствол дерева, но вырвать его с корнями не смогла. Пережив ненастье, он оброс новыми, более яркими листьями под тусклым солнцем изгнания.

¹⁶ *Küfferle R.* Scrittori russi all'estero. Il corifeo *Bunin* // *Corriere della sera*. 1929. 12.XI. P. 5.

Литературный дебют

К такой духовной стойкости, к владению стилем, гибким и блестящим, как лезвие, в котором с холодной и живой четкостью отражаются полноцветные предметы, Бунин пришел через любопытство сердца, открытого мимолетным и вечным отзвукам жизни и искусства.

Еще юношей в одиночку он сделал первые робкие шаги навстречу тому, что прекрасно и истинно.

Пред ним одинаково широко расстилались литературные поля и степь.

Родной стихией для Бунина было старинное дедовское имение в центральной России. Рожденный в старинной дворянской помещицкой семье, он с кровью предков унаследовал любовь к земле. В искусстве его вели яркие пути двух известных предков: поэтессы Анны Буниной и Жуковского, переводчика «Одиссеи», сына Афанасия Бунина и турчанки Сальхи. Из повседневного общения с природой и наблюдений над деревенской средой рождается предмет его изображения. Байрон и Лонгфелло нашли в нем почитателя и элегантное русское переложение. Восходя на порог зрелости, Бунин, с молодости трудолюбивый, имел уже 4 тома стихов, 2 — переводов и 6 — прозы. Духовный кризис, который он пережил в подростковом возрасте после смерти сестры, рассеялся в потоке жизни. Восторженно были приняты критикой произведения нового писателя, которому Академией наук была присуждена высшая награда — литературная премия имени Пушкина. В 1909-м Бунин был уже среди двенадцати почетных академиков, к которым относился и Лев Толстой.

Путешествия по миру

Однако, следуя не за известностью, а за побуждением лучше узнать себя самого и мир, Бунин не выходил на литературную арену, где перед интеллектуальным судом дам состязались романтики, натуралисты, символисты, декаденты. Гондола баюкала его влажным молчанием осенней Венеции при лунном свете; в горах Сицилии он проник в заброшенный монастырь и там, среди развалин алтаря, увидел потухшую кафельницу и приказал своему сердцу, исполненному огня, пылать до конца, как некогда угли и смола в этой кафельнице. В тени эвкалиптов и сикомор он искал тени в душном Алжире. Стоя у подножия пирамид, любовался лодками на Ниле. В Скутари, завидев на рассвете переливающийся Босфор, прищипывал ленивого верблюда. В задумчивости склонялся перед пожелтевшими руинами Акрополя. В Иерусалиме видел схождение святого огня. Плавал по Суэцкому каналу под величественными склонами горы Синай в сторону Красного моря, Индийского океана. Склонив в аскетичной каюте колени перед

иконой из Суздаля, с которой он никогда не расстается и которая, по его словам, остается для него духовной, нежной связью с его родом, с тем далеким и родным миром, где остались его колыбель, детство, молодость, Бунин смиренно благодарил Господа за то, что уберег его в странствиях. Вид той вершины, откуда слышится еще священный глас Скрижалей, вечных, как воздух, которым дышит человек, и как земля, по которой он ступает, взволновал и наполнил ликованием душу православного. Бунин больше не заботился ни о чем, кроме созерцания моря и неба. Одну за другой он побросал за борт в воду, рассекаемую кораблем, книги, которые читал в путешествии. Ему показалось, что время, пространство, числа, все порождения духа растворились вместе с ним в темноте экваториальной ночи. Из этого оцепенения вывел его вид кокосовых зарослей на берегах Цейлона и шалашей местных жителей, затерянных в светло-зеленых зарослях банана.

По мере того как продолжалось его разнообразное странствие по земле и по морю, Бунин ощущал прилив новых сил, которые требовали воплощения в искусстве. Глаза не могли насытиться, впитывая цвета, его палитра обогащалась яркими тонами. Ему уже легко было воспроизвести с желаемой точностью экзотическое окружение. В равной степени правдиво перо Бунина выразило таинство смерти русского крестьянина в бедной избе и с другим оттенком, оригинальным и неповторимым, изобразило конец несчастного рикши, чей маленький труп был обнаружен вечером в пригородном лесу Коломбо, или смерть на Капри того господина из Сан-Франциско, которого роскошный трансатлантический лайнер, искрящийся светом, наполненный элегантною толпой, перевозит в скромном гробу в глубине мрачного трюма по угрюмому океану.

«Горе, горе тебе, Вавилон»

Долгая разлука также позволила Бунину увидеть в ином, истинном, объективном свете Россию, с ее бедами, с предназначенной ей исторической судьбой. В поэме в прозе «Деревня» почти пророчески описана смута в русской деревне после русско-японской войны. Тем, кто хотел прикрыть язвы народа покровом идеализации, это произведение показалось исполненным чрезмерного пессимизма. Но Бунин предвидел точно. Когда чуть позже, в феврале 14-го, он писал на Капри рассказ «Братья» и задумывал «Господина из Сан-Франциско», его душу терзал вопль из Апокалипсиса: «Горе, горе тебе, Вавилон, город крепкий!» В этом пророчестве подразумевался, конечно, пожар европейский.

Действительно, началась мировая война. В России разразилась революция. И то и другое намного превзошло опасения Бунина. С тяжелым сердцем он направился из Москвы на Юг России, где стал свидетелем

агонии белой армии. Братоубийственная война захватила весь народ. Кто не был ни красным, ни белым, попадал под подозрение и часто подвергался преследованиям с той или другой стороны, в зависимости от того, в чьи руки переходила деревня или город. Так образовалась третья партия под именем зеленых, которая скрывалась в лесах, в горах. К ней примыкали беглецы, на которых и красными, и белыми велась охота как на дезертиров. До последней минуты надежды Ивана Бунина, как горестные часовые его любви к родине, обращались на запад, не покажется ли оттуда какой-нибудь проблеск, дабы рассеять тьму; но надежды были разбиты, и неумолимая действительность вонзила им в спину смертельный клинок. Отчаянный крик последних надежд Бунин хранит в себе как суровую боль, как спутницу в нынешнем изгнании на французской земле.

Бдения

Если писатель призван выразить в прекрасном правду, помогая прояснить случившееся и утешить людей, никогда не отказываясь от высокого призвания, которое требует спокойствия и жертвенности, Бунин не склонился под тяжестью собственной беды, а продолжил писать. Разнообразие и богатство произведений, созданных им, как правило, небольшого объема, но исключительной насыщенности мысли и удивительной психологической прозорливости, побуждают провозгласить его корифеем современной русской литературы. «Цикады» и «Митиной любви» было бы достаточно, чтобы признать за ним этот титул.

Брандес, который читал «Митину любовь» по-французски, признавался, что тонкий анализ любовной болезни вызвал в нем неподдельное волнение. Те, кто читает произведение в оригинале, покорены, кроме того, музыкальностью этой прозы, превзошедшей по красоте прозу Тургенева. То же мастерство гармонии пронизывает от начала до конца рассказ «Цикады». На берегу моря, под сияющими звездами спокойной летней ночью Бунин слушает их пение, похожее то на миллионы ручейков, то на магические цветы, растущие хрустальной спиралью. Блаженно поют они, погруженные в сон жизни. Ночное бдение приносит с собой созерцание и муку. С этой боли и начинается искусство, т.е. освобождение от смерти всего, что живет и уходит. Продолжая бодрствовать, Бунин видит меркнущие звезды; бодрствуя, он слышит дыхание волн, что расходятся пеной по берегу.

Сейчас Бунин пишет большой роман «Жизнь Арсеньева», в котором, словно в фокусе линзы, сосредоточен человеческий опыт и сходится свет его искусства. Вероятно, в нем, по наблюдению Амфитеатрова, Бунину будет дано сказать не дописанное пером Толстого, Достоевского и Чехова последнее слово о загадке, очаровавшей Запад, — о славянской душе.

Ринальдо Кюфферле

Поэзия Ивана Бунина¹⁷

Доктор Ринальдо Кюфферле – глубокий знаток славянской литературы. Мы с радостью передаем его выступление из Милана о пантеистической лирике одного современного русского поэта.

Мне уже приходилось говорить по радио о творческом пути Ивана Бунина, который считается одним из лучших представителей, если не корифеем, современной русской литературы. Его имя как прозаика стало известно после перевода двух произведений, «Деревня» и «Жизнь Арсеньева», как поэта мы его только открываем из-за известных сложностей, всегда возникающих при попытке передать поэзию за пределами того языка, в котором первоначально воплотились мысль и чувство автора. Строго говоря, поэзию нельзя извлечь из прекрасного хранилища, в которое помещает ее вдохновение, запечатывая совершенством герметической концовки, и перенести в выщербленные сосуды чуждого ритмического переложения. С ней происходит то же, что и с некоторыми изысканными экстрактами экзотических ароматов, которые сразу улетучиваются. Строго говоря, поэты не должны бродить по миру в поисках праздных ушей, готовых их услышать, как не путешествуют горы, чтобы показать всем свои ледяные пики и парящих над ними орлов. Но домоседы иногда готовы довольствоваться фотографиями, волшебным фонарем, кинематографом, картиной; точно так же принимают они слабый отблеск, бледный призрак того, чем является поэзия, или того, как мы представляем себе ее первоначальную форму. Этому большинству я прочту сегодня три или четыре стихотворения Ивана Бунина, которые специально для этого случая скорее интерпретировал, чем перевел.

Помню, однажды я определил бунинское восприятие природы и человечества как подсказанное его пантеистическим чувством. Он знает, что не имеет начала, и знает, что не имеет конца. Его начало растворено в длинной веренице его предков, финалом будет возвращение в великое Всё. Будущее туманно, молчит память о бесконечных прежних жизнях — Бунин знает, что и эта жизнь будет утеряна. Отсюда стремление успеть зафиксировать на бумаге, обессмертить в искусстве и, таким образом, спасти от уничтожения смертью каждое

¹⁷ *Küfferle R.* La poesia di Ivan Bunin // Radiocorriere. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio — 6 Febbraio. P. 13.

движение души, чувствительной к красоте этого мира: «До черноты стори», — звучит призыв в его смертном сердце.

<перевод стих. «Кадильница»>

Неправы те критики, которые называют Бунина пессимистом, даже если в своей прозе он изображает действительность без прикрас. Видение Нирваны растет в нем именно оттого, что слишком сильна его любовь к иллюзорной Майе. Остановка несет духовное мучение. Чтобы избежать его, нужно отдаться потоку жизни, этому “*Streben*” <нем. «стремление»>, загадочному и дарующему покой. Это знает и об этом пишет Бунин, об этом он размышляет в строфах, убаюкивающих и умиротворяющих, в стихотворении под названием «Ритм»:

<перевод стих. «Ритм»>

Порой Бунин так высоко воспаряет над собой как индивидуумом, что сливается с гармонией универсума, чувствуя себя окутанным дыханием великого Всего. Тогда Бунин уподобляется Брахманам, тогда мир и для него становится лесом, ночным приютом птиц.

<перевод стих. «Ночлег»>

Пантеистическое мировоззрение в поэзии Бунина достигает вершины, когда у гробницы Вергилия на него нисходит умиротворение. Его душа не может умереть. Она перейдет в другого, в миллионы других, следующих, обогащенная всем пережитым. Звуками радости италийская весна на побережье Тирренского моря и мягкий свет, который освещает не только сладостно-идиллический пейзаж, но и взволнованное и радостное сердце северного пилигрима, отвечают на приветствие Бунина Вергилию, от поэта поэту, от тени к тени, словно подтверждая и благословляя веру в вечную жизнь поэзии, в эту разновидность веры в бессмертие души.

<перевод стих. «У гробницы Вергилия весной»>

Двадцать лет спустя¹⁸

¹⁸ *Küfflerle R. Vent'anni dopo // Stampa sera. 1954. 3–4.VIII. P. 3.*

Как гласит русская пословица, «жизнь прожить — не поле перейти». Даже сделать так, чтобы хорошая книга добралась до читателя, не всегда легко. Однако злоключения, о которых я хочу поведать, оказались совсем уж необыкновенными, хотя некоторые вещи подобного рода случаются и поныне. Эти перипетии могут дать пищу для размышлений тем, кто не довольствуется простоватым афоризмом: *Nabent sua fata libelli*¹⁹.

Поздним летом 1933 года меня пригласили к одному крупному издателю, чтобы я посоветовал что-нибудь интересное из современной русской литературы. Он решил справиться о моем мнении посредством доверенных сотрудников — один был среднего возраста, другой молодой.

Беседа проходила примерно так:

— Итак... — и две пары глаз уставились на меня из-за широкого барьера ярко освещенных письменных столов.

— Итак, — сказал я, — я бы предложил Бунина.

— Что? Кого?

— Бунина.

— А кто это?

— Кажется, я первым в Италии стал писать о нем, еще в апреле 1928 года. Иван Бунин — духовный наследник той классической художественной традиции, которая восходит к Пушкину и Толстому; в 1909 году он был избран почетным членом Академии наук и неоднократно был отмечен высшей русской литературной наградой, Пушкинской премией...

— Да, да, но что он написал?

— Главным образом рассказы.

— Ну, этот жанр не пользуется большим спросом.

— Но это потрясающие рассказы, к тому же довольно пространные.

— И что с того! Никаких рассказов.

Я умолк.

Немного погодя старший из моих собеседников вдруг спросил:

— Сколько ему лет?

— Кому?

— Ну, этому Ивану, вашему писателю..

— Он родился в 1870 году.

¹⁹ Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

— Слишком старый! — заключил молодой человек. — И что, он действительно так хорош?

— Более чем! К примеру, об одной его повести Брандес отозвался как о настоящем исследовании психологии любви, настолько искусно Бунин изображает влюбленность молодого провинциала к студентке. В окружении природы, неистовой, как он сам, он сгорает от любви и страдает настолько, что стреляет себе в рот «с силой, с наслаждением».

— М-м. По нынешним временам самоубийства вообще запрещены. Они допускаются только в переизданиях: «Мадам Бовари», «Анна Каренина», — заметил старший.

— Что удивительно в Бунине, так это постоянная метаморфоза его настроений; его внутренний мир, близкий к пантеизму, постоянен, но в то же время всегда находится в фазе становления, множится, проявляя себя по-новому...

— Жаль! — прервал меня молодой и, обращаясь к коллеге, сказал: — Вот если бы он умер, можно было бы поместить его среди классиков.

Я невольно вскочил.

— Нет, нет, ради Бога! Бунин сейчас работает над своим крупнейшим произведением, над «Жизнью Арсеньева»...

— Ну что ж, спасибо, — холодно сказали мне на прощанье, — больше вам нечего предложить?

— Лучше этого в настоящий момент — нет.

Однажды поздней осенью того же 33 года, едва проснувшись, я развернул газету за утренним кофе. В уголке на третьей странице я увидел короткую заметку под заголовком «Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии по литературе». Почти в то же мгновение зазвонил телефон. Звонил пожилой работник издательства. Что-нибудь из Бунина, перевести как можно скорее. Может быть, даже тот самый «короткий роман», о котором мы говорили. А как быть с самоубийством? Об этом мне беспокоиться не нужно, главное — перевести поскорее и хорошо.

Я сразу принялся за работу, пытаюсь найти для Бунина, как и для всякого другого писателя, близкую по стилю формулу (формулу стилистического приближения). Стиль без прикрас и в то же время не лишенный простонародного изящества, намеренно по-библейски простой, — например, в авторских ремарках используется только «сказал» и «ответил», — должен был стать главным инструментом для адекватного восприятия искусства Ивана Бунина.

С каким же печальным удивлением я, закончив работу, обнаружил перед собой рукопись, тщательно правленную неким третьим лицом из кулуаров издательского бюро: это был представитель, а точнее, толкователь так называемого менталитета среднестатистического читателя. Все бунинские «сказал» и «ответил» превратились в непроходимый лес «согласился», «возразил», «прошептал», «вскричал», «подал голос», «пробормотал», «воскликнул», «вздыхнул» и так далее, от которых рябило в глазах. Все фразы были переделаны по канонам элементарного синтаксиса...

Я возмутился, написал автору, добился восстановления в корректуре первоначального варианта перевода и, питая себя иллюзиями, вздохнул с некоторым облегчением, как после счастливо завершённой битвы.

Однако битва была проиграна.

Как и положено тем, кто пишет, я дни напролет, склонившись над гранками, проверял самого себя. (Это еще и этическое упражнение.) Но до самоубийства героя я не добрался. В конце истории он начинал тихо плакать, падал на кровать и протягивал руку к ночному столику... Но не открывал, как в оригинале, ящик, чтобы достать револьвер и застрелиться.

«Очевидно, — подумал я, — не хватает страницы корректуры», — и позвонил в издательство.

Нет, все страницы были на месте, но самоубийство в конце концов из благоразумия решено было убрать.

— Тогда, — взмолился я, сдавшись, — уберите хотя бы еще несколько строк, чтобы не было и этого ночного столика!

Тем летом переводчику пришло письмо от Бунина, полное горечи.

И еще двадцать лет — а писатель умер несколько месяцев назад — итальянская публика так и не знала, что на самом деле случилось с героем одного из шедевров Ивана Бунина.

Пусть этот последний штрих с опозданием, но всё же дополнит картину, в надежде, что старые порядки не вернуться.

Ринальдо Кюфферле

Литература

Кюфферле Р. Персоны и персонажи. Очерки о русской эмиграции / Публ., пер. и коммент. М.Г. Талалая // *Диаспора: Новые материалы*. [Вып.] IX. Париж; СПб., 2007. С. 431–451.

Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin // *Rivista d'Italia*. 1928. XXXI, Vol. IV. 15.IV. P. 663–667.

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin // *Radiocorriere*. 1932. № 5. VIII. 30 Gennaio — 6 Febbraio. P. 13.

Küfferle R. Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin // *Corriere della sera*. 1929. 12.XI. P. 5.

Küfferle R. Vent'anni dopo // *Stampa sera*. 1954. 3–4.VIII. P. 3.

References

Küfferle R. Persony i personazhi. Ocherki o russkoi emigratsii [Persons and characters. Essays on Russian émigrés], publ., transl. and comment. by M.G. Talalai. *Diaspora: Novye materialy. Вып. IX* [Diaspora: New materials. Iss. 9]. Paris, St. Petersburg, 2007, pp. 431–451. (In Russ.)

Küfferle R. L'arte d'Ivan Bunin. *Rivista d'Italia*, 1928, XXXI, vol. IV, 15.IV, pp. 663–667.

Küfferle R. Scrittori russi all'estero. Il corifeo Bunin. *Corriere della sera*, 1929, 12.XI, p. 5.

Küfferle R. La poesia di Ivan Bunin. *Radiocorriere*, 1932, no. 5, VIII, 30 Gennaio — 6 Febbraio, p. 13.

Küfferle R. Vent'anni dopo. *Stampa sera*, 1954, 3–4.VIII, p. 3.

**Rinaldo Küfferle (1903–1955) —
a translator, publisher, critic and correspondent of Ivan Bunin
(based on papers from private and editorial archives)**

© 2019, Elda Garetto

Abstract: The article discusses the role of the poet, writer, journalist and translator Rinaldo Küfferle (1903–1955) in the distribution of Ivan Bunin’s works in Italy in the 1920s and 1930s. Küfferle’s critical essays about Bunin in Italian literary journals, his translations of Bunin’s poems and short stories, different stages of promotion of the writer’s works in Milan publishing houses (a novel “The Life of Arsenyev” and a collection of short stories) are identified and analyzed. The article also provides a number of archival materials on Küfferle’s personal relations with Bunin.

Keywords: Ivan Bunin, Rinaldo Küfferle, Bunin in Italy, translations, émigrés in Italy

Information about the author: Elda Garetto, Prof., University of Milan, Italy.

E-mail: elda.garetto@unimi.it

Citation: Garetto Elda. Rinaldo Küfferle (1903–1955) — a translator, publisher, critic and correspondent of Ivan Bunin (based on papers from private and editorial archives). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 276–311. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-276-311